

Хвост удачи

С каким нетерпением стоял он у самого борта на палубе голландской шхуны и смотрел на приближающийся берег.

Франция! Как много Шарль рассказывал ему о ней! Особенно проникновенными и пронзительными эти рассказы были зимой, когда они сидели у печи и вели разговоры первоначально на смеси русского и французского, с прибавлением жестов и мимики, потом уже целиком по-французски. Из его рассказов выходило, что вся Франция была райским садом, где всегда светит солнце, цветут цветы, поют птицы, растет виноград, из гроздьев которого делают чудесное вино, душистое и чуть терпкое. Все женщины там были прекрасны и таинственны, а все мужчины благородны и дерутся на шпагах за честь прекрасных дам и поднимают кубки, полные чудесного вина, прозрачного, легкого и игристого.

«О! У нас не пьют эту вашу медовуху, от которой болит нутро, или водку, которая валит с ног. Нет! Во Франции пьют напитки, слегка кружащие голову, которые заставляют ноги двигаться быстрее. Вот так!» — и, напевая неведомый мотив, Шарль начинал танцевать какой-то замысловатый танец с приседаниями, поклонами и подсакиваниями. При этом ноги он никогда не ставил плашмя одну возле другой, а всегда одна нога оказывалась под углом к другой, словно собиралась заскользить по полу.

«Глиссе! Истинный кавалер скользит по полу и не только в танце. Глиссе!»

Затем он, слегка запыхавшись, опять садился на лавку и откидывался к стене, смотря на огонь.

«В моем замке в Перигоре не печь, а камин с открытым огнем, у которого можно сидеть не на такой вот твердой лавке без спинки, а в мягком кресле со спинкой, положив руки на подлокотники. Увижу ли я тебя, мой Перигор? Не приказал ли кардинал срыть мой замок в наказание за то, что я не вернулся с исполненным заданием, не считает ли он меня изменником?» — грустно заканчивал он.

О! Шарль Талейран был редкой птицей в их краях! Матвей невольно улыбнулся при этом воспоминании. Кому беда, а кому и удача. Какое счастье, что московские власти определили именно Кострому местом его ссылки! Если бы не это, он не стоял бы на борту этой шхуны

и не смотрел бы на приближающийся берег Франции. Второй удачей было то, что Шарль оказался хорошим учителем, хотя до прибытия в Кострому никогда никого и ничему не учил. Но тут вдруг проявил недюжинные способности, возможно, от скуки и тоски, и он проводил с Матвеем целые часы, разъясняя ему изречения Монтеня, заставляя не только запоминать, но переводить, ставя глаголы в различных временах и наклонениях. Пояснял смысл высказываний Монтеня событиями из истории Франции, каждый раз вознося хвалы гению Франции.

Матвей искренне увлекся уроками и проявлял все возможное старание. Тем более что и учитель интересовал его не меньше уроков. Шарлю была свойственна тщательность во всем. Он всегда находил точное слово для описания как состояния души, так и природы. Матвей многому у него научился. Матвей аккуратно записывал в тетрадку все его замечания и старался никогда не повторять ошибок ни в построении фразы, ни в произношении. Тетрадки эти очень емугодились впоследствии, когда учитель его исчез также неожиданно, как и появился в Костроме. Записывал он и его рассказы об истории Франции и ее королях. Часто, рассказав что-либо, Шарль вдруг оглядывался и восклицал:

«О-ля! Не сболтнул ли я чего лишнего? А то сейчас влезут в окно ищейки кардинала и потребуют к ответу за оскорбление величества и причинение ущерба, всегда невозполнимого, французской короне, — и заливался насмешливым хохотом, но потом смолкал и погружался в угрюмые раздумья, — нет, — с грустью заключал он, — до этих заснеженных холодных пустынь им не добаться, — и, помолчав, добавлял, — а мне не выбраться».

Как мало по существу знали на Руси о Франции! Фактически ничего. Страна эта была слишком далеко, и ничто не связывало ее с Русью. Она не была славна архитекторами и художниками, как итальянские страны, ни торговлей, как голландские штаты или Англия. С ней никогда не было пограничных споров, как со Швецией, Речью Посполитой или Данией. А главное — это было папешское государство, опора власти Рима не меньшая, чем Испания или Австрия. Москва после смуты долго держалась от таких стран на очень большом расстоянии в политическом смысле, а территориально они и так были удалены. Когда посылались гонцы нанимать солдат в Европу, то даже наказ давался: «Нанимать солдат шведского и иных государств, кроме французских людей, а французских и иных, которые римской веры, никак не нанимать».

Такое неласковое отношение русских властей к французам было вызвано фигурой капитана Жака Маржерета, возглавлявшего личную охрану самозванца и каким-то образом ухитрившегося избежать расправы разъяренного народа в стенах Кремля и, прихватив немало из царской

казны, бежать на родину. Там он и выпустил первые на французском языке мемуары о России, в которых клятвенно уверял, что Лжедмитрий не был самозванцем, а действительно был наследником русского престола, что он был прекрасным правителем, а Шуйские и Романовы составили против него заговор и убили. Отречение Лжедмитрия от православия и его переход в католицизм он, естественно, считал благодатью божьей, снизошедшей на еретика. Эти мемуары капитана Маржерета вкупе с притязаниями польского короля Владислава называться единственно законным русским царем очень осложняли положение царя Михаила в Европе.

Так случилось, что этот Маржерет стал для русских XVII века единственным представителем французской нации и французского характера, которого они узнали достаточно близко и на протяжении значительного отрезка времени. И он оказался не слишком привлекательным и уж точно в высшей степени бесчинным. Потому-то так накрепко было наказано французам на Русь не брать.

Но французы как-то сами время от времени прибывались к Руси. Времена-то, в смысле десятилетия, в Европе стояли смутные. Надо было бежать то от войны, то от религиозных гонений, то просто как-то зарабатывать на жизнь. Поэтому какие-то сведения о Франции достигали Руси, а сведения о Руси достигали Франции. Однако эти сведения были известны очень ограниченному кругу людей, которые могли покупать и пить французское вино.

По правде сказать, французы, посещавшие Русь, чаще были заинтересованы разведыванием торговых путей на восток в Китай и Индию. От наличия таких путей и зависело экономическое процветание европейских государств в те времена. Из-за постоянных внутренних неурядиц и войн Франция сильно отставала от своих соседей по части захвата выгодных торговых путей. Это было связано со сложностью ее географического положения. Она была зажата между Англией, Испанией и Австрией, отхватившими на протяжении последних ста лет большие куски ее территории. Таким образом, вплоть до XVII века она была искательницей милости у других могуществ и у папы.

Но! Времена меняются, хотя и не улучшаются. И в Европе все-таки через 20 лет признали царский титул за династией Романовых. Русь, прожив в спокойствии 30 лет, готова была решать нерешенные вопросы и взаимодействовать со всеми странами, тем более что окончание Тридцатилетней войны коренным образом изменило расстановку сил в Европе. Подписанные статьи Вестфальского мирного договора вызвали к жизни новые центры могущества в Европе. Одним из них являлась Франция — победительница в войне с австрийскими Габсбургами и активная противница испанских. В те времена Габсбурги

оплели европейские государства системой договоров, словно сетью, и изменение их статей и отказ от гегемонии влекли за собой цепную реакцию изменений по всей Европе. Так и появилась надобность во взаимодействии и с этой папезской страной. А сама эта стана вдруг заявила претензии на лидерство в Европе.

В Посольском приказе

Однажды ранним утром сразу после заутрени в церкви у Ильинских ворот Матвей как обычно сидел и переводил врученную ему подьячим связку только что доставленной «Газеты». Это были последние новости из Парижа. Газета, правда, пришла по морю с попутным голландским судном и потому была уже полугодовой давности.

При переводах надо было учитывать много деталей оформления и, прежде всего, нужно было отмечать существующее в латинских странах летоисчисление от рождества Христова и русское — от сотворения мира. И так с каждым сообщением. Писать надо было мелким округлым почерком, чтобы меньше уходило бумаги. Необходимо было оставлять также поля для возможных замет. Самой большой трудностью был перевод фамилий и имен. Их надо было указывать не только в переводе, но и на иноземном языке. За правильностью оформления следил подьячий, и всякое отступление от правил оформления приводила к особым записям, из которых потом складывалась картина способностей и возможностей того или иного переводчика. Матвей, поэтому, работал очень сосредоточенно, также как и трое других сидящих за соседними столами переводчиков, и в комнате раздавался лишь скрип перьев и скрип песка, которым высушивали сделанную страницу.

Иногда правда мысли его отвлекались то на воспоминания о последней прогулке по Троицкой площади, то на катания на лодках по Москве-реке в только-только прошедший Троицын день, то о том, когда матушка получит посланную им весточку о своем житье в столице в Толмачах, где всем, призванным на службу к государю из других городов, выделялось казенное жилье. В ней он описал также виденный им торжественный выход государя на Троицын день.

Ведь Троицын отмечался на Руси с такой же пышностью, как и другие большие религиозные праздники и знаменовался торжественным выходом государя в большом царском наряде в сопровождении бояр и приказных, одетых в золотые одежды. Впереди процессии стольники на ковре несли смесь из цветов и листьев, за ними шли бояре, потом

ближние бояре, потом государь. Таким торжественным ходом шли они в Успенский собор, где при входе ключари Успенского собора подносили подобные же цветочно-лиственные дары от патриарха и, смешав с государевыми, выстлали этой смесью цветов и листьев царское место, которое кропили гуляфною водою. Также торжественно устлали место патриарха, а оставшееся разносили по храму. На этом благовонном ковре во время моления царь преклонял колени. Тоже делали и те, кому посчастливилось попасть в Успенский собор на службу. После службы, направлялись обратно во дворец такой же торжественной процессией, впереди ближний стольник нес корзину цветов.

Матвей смог узреть лишь то, что происходило на площади перед Успенским собором. Сотрудникам Посольского приказа предписывалось находиться на площади, и им даже выдали праздничную одежду, конечно, не золотую, а темно-синие бархатные кафтаны, но это рассматривалось Матвеем как проявление божьего к нему благоволения. Он впервые попал в списки приглашенных на царский выход, и из этого следовало, что службой его довольны и он на хорошем счету.

Уже год как он появился в столице, а она все еще удивляла его своей громадностью, пестротой и сложностью царящих в ней порядков. Но возвращаться в Кострому он не хотел. Москва уже забрала его и своей суетой и своими возможностями, которые вряд ли могли открыться перед ним в Костроме. Он и так уже понял, что его вызов в Москву был невероятной удачей, сопоставимой с появлением в Костроме францужанина Шарля Талейрана маркиза д'Асседовиля. На место, которое он занял в Посольском приказе, были и другие желающие, выпускники, между прочим, школы Посольского приказа, имевшие похвальные отзывы о своем прилежании от справщиков Книжной sprawy. Но взяли после испытания его, провинциального дворянина. И не последним из условий было умение переводить сразу начисто. Ввиду нехватки бумаги, которую покупали за рубежом, каждый лист был подотчетен и именно этим своим умением Матвей привлек внимание руководства приказа. Никто из испытуемых не прошел лучше него это испытание. Поэтому Матвей всеми силами хотел зацепиться и продвинуться в Москве и с жадностью ловил рассказы о таких же, как он, провинциальных дворянах, достигших высот в приказной службе.

И каких высот! Думный дьяк приказа Алмаз Иванов вообще был из ярославских гостей, дослужившийся до такого чина, который не светит и дворянину, а боярин Милославский, тесть царя, был провинциальным дворянином из Курска, которого по-родственному пригласил дьяк Грамотин. Герасим Дохтуров, хоть и москвич, но всегда служил в Разбойном приказе, а теперь не только дьяк Посольского приказа, но владелец тысячи четей земли с дворами, пожалованными ему государем.

Раздался скрип двери и появился подьячий Дементий Петрович Зварзин. Переводчики сразу прекратили скрипеть перьями и встали, склонив головы в поклоне. Дементий Петрович хозяйским глазом оглядел комнату.

— Садитесь уже.

Все сели и дружно заскрипели перьями скрипом, выдавшим их особое усердие к государственной службе. Дементий Петрович постоял некоторое время, наблюдая за работой. Глаз у него был наметанный, а другого и не поставили бы главным проверяющим правильность оформления всех идущих в приказ дел. Переводчики не любили таких вот вторжений, ибо работа их была умственной и требовала тишины и отсутствия посторонних. Но что поделаешь, начальство всегда право и время от времени приходилось терпеть и изображать особое усердие, видимое глазу начальства.

Но в этот раз Дементий Петрович заглянул не просто для проверки, ему был кто-то нужен из переводчиков. И этим кем-то был Матвей.

— Матвейка... Мачехин, дело к тебе есть, — и махнул рукой.

Матвей встал и шагнул было из-за стола, но замер в нерешительности. Дементий Петрович вопросительно воззрился на него: «Чего, мол, медлишь?»

— Дементий Петрович, а бумаги как же? Их же сдать надо в хранение? Я так оставить не могу.

Воцарилось молчание. Остальные еще ниже опустили головы, показывая свою полную непричастность к происходящему.

— Молодец, порядок знаешь. Бдишь.

Он указал на одного из переводчиков.

— Ты, Ивашка, иди, приведи подьячего из книгохранилища.

Тот мигом исчез за дверью. Топот его ног гулко отдавался в коридоре и затихал очень долго. В комнате воцарилось молчание. Дементий стоял и ждал. Матвей тем временем собирал разрозненные номера «Газеты», чистую бумагу, которую выдавали на счет, перья и грифели. Через некоторое время в коридоре опять раздались гулкие шаги, но они не удалялись, а приближались и, наконец, раздался голос подьячего Стефана Рыкова, хранителя архивов.

— Звали, Дементий Петрович?

— Здравствуй, Стефан. Прими обратно, что выдал Матвею Мачехину.

— Так как же? До обеда еще далеко? — проявил нетерпимость к нарушению порядка Стефан.

— Прими, говорю. Забираю я его прямо сейчас, — сухо, но со значением произнес Дементий, что заставило насторожить чуткие уши сидевших в комнате.

Стефан вошел в комнату, подошел к Матвею. Тот указал на сложенные уже бумаги.

— Вот, Стефан Гермогенович, вот «Газета», вот бумага чистая. Почитай.

Стефан действительно пересчитал количество выданных бумаг и, пометив числом и частью суток, взял в руки и молча двинулся из комнаты, на ходу склонившись перед Дементием.

— Ну что, пошли, — и Дементий махнул Матвею.

Матвей, невольно озираясь, как будто покидает насиженное место навсегда, последовал за ним.

Они шли по коридору Посольского приказа, затем спустились по центральной главной лестнице на второй этаж, куда Матвею ход был заказан. На этом этаже сидел сам глава Посольского приказа думный дяк Алмаз Иванов и ближайšie к нему подьячие, возглавлявшие целые направления работы в приказе. Сюда же приезжали бояре для предварительного рассмотрения предполагаемых для вынесения на боярскую думу вопросов или обсуждения их в узком кругу в комнате государя. При входе на этот этаж стояли стрельцы и пройти можно было только по пропускам. Матвей украдкой осматривал по пути все вокруг. Когда еще придется оказаться в этом коридоре! Наконец, они подошли к двери, у которой Дементий остановился, взялся за ручку, отворил ее и, пригнувшись, они вошли внутрь.

Это была довольно просторная комната, в которой находилось всего два стола. Один — в правом дальнем углу под иконами, дальше всего от двери и ближе к окну, свет из которого лился слева, а другой Матвей чуть не задел при входе в комнату, потому что он стоял у самой двери слева. За столом под иконами сидел человек, которого он узнал. В большие праздники на торжественной службе он стоял первым. Человек этот был среднего роста, сухощавый. В русых волосах и бороде было много седины. Одет он был в кафтан серого сукна и белую рубашку. Это был глава Посольского приказа Алмаз Иванов.

Он поднял глаза на вошедших.

— Алмаз Иванович, — склонившись, произнес Дементий, — приказание выполнено. Матвей Мачехин доставлен для разговора.

— Хорошо, Дементий, оставь нас.

Дементий вышел.

— Матвей Мачехин, переведен в Посольский приказ для толмаческой службы от костромского воеводы? — Алмаз Иванов вскинул вопросительный взгляд на Матвея.

Во взгляде этом не читалось ни искорок любопытства, ни угрюмой подозрительности, только сухое служебное установление соответствия лица, стоящего перед ним, тому, что было определено в бумаге.

— Все точно так и есть, — ответил оробевший Матвей.

Воцарилось молчание. Матвей начал беспокоиться, не случилось ли какой порухи в его работе, которая может привести к его отчислению из приказа. Слышал он, что такое случалось. Помолчав, Алмаз Иванов также бесстрастно произнес, при этом Матвея удивило, что при разговоре лицо его оставалось неподвижным, шевелились только губы, а голос был ровным без каких-либо интонаций.

— Тебе предписано явиться сегодня в полночь в Андреевский монастырь в распоряжение окольного Федора Михайловича Ртищева. Там теперь будешь государственную службу служить.

— В монастырь? — в изумлении Матвей двинулся было к столу Иванова, но тот жестом его остановил.

— Сейчас свободен от службы.

— Но где это? Я не так давно в Москве и не знаю, где этот монастырь.

— За крымским бродом по берегу Москвы, церковь Андрея Стратилата. О предписанном никому не сообщать.

И уткнулся в бумаги, давая этим понять, что разговор окончен. Матвей понял, что глава приказа сказал все, и ему ничего другого не оставалось, как выйти из комнаты. Некоторое время он стоял в раздумье. Но раздумье это прервал Дементий.

— Пойдем, провожу.

— Куда, в монастырь? — не понял Матвей.

— Какой монастырь? Отсылают тебя что ли? — с интересом спросил Дементий.

Матвей осекся. Он не должен разглашать ничего. Он переводится на другую службу.

— Да нет, так... к слову пришлось, — промямлил он, боясь нарушить приказ тут же по выходе из комнаты начальства.

«Вот ведь незадача! Как все неожиданно случается», — пронеслось у него в голове.

— Выведи тебя отсюда. Иначе не выйдешь. Пойдем.

И они пошли по коридору, минули стрельцов и Дементий вывел его на главное крыльцо.

— Ну вот, свободен. Желаю удачи!

«Явиться в Андреевский монастырь ближе к полуночи. Что за странное распоряжение? И где, кстати, этот монастырь?»

Москву он знал еще плохо, а монастырь раз он за крымским бродом и вовсе не в Москве. И потом о службе. Он сказал: «Там теперь служить будешь. А как же положенное мне жалованье в 3 рубля? Я же год уже отслужил». И, погруженный в эти раздумья, Матвей медленно сошел с крыльца и побрел в сторону ворот Посольского приказа,

выходивших на Ильинку. У ворот у стрелецкого поста он невольно замедлил шаг и остановился, еще раз оглянувшись на здание. Над крытым парадным крыльцом приказа сверкало в уже жарких лучах июньского солнца земное яблоко. Матвей замер на какое-то мгновение. Тревога и дурные предчувствия овладели им. Неужели удача кончилась, и ворота, открывавшие путь к земному яблоку, навсегда захлопнутся перед ним, как только он выйдет. Ведь охрана никогда уже не впустит его сюда. Невольно он перекрестился. Эти ворота захлопнутся и... распахнутся ворота монастыря? «Спаси и сохрани, господи!» — невольно прошептали его губы.

В Андреевском монастыре

Прилепившийся к Воробьевым горам Андреевский монастырь был известен лишь в приказных кругах Москвы. Все знали, что он был местом многочисленных ночных сидений Федора Михайловича Ртищева, ближайшего к государю человека, его старшего постельничего, впрочем, уже давно не исполнявшего эти обязанности, а облеченного особыми полномочиями. Об этом говорилось и намекалось всегда вскользь, осторожно и с оглядкой только проверенному человеку. Лишняя любознательность о государских делах никогда не поощрялась на Руси.

Говорилось, что монастырь — место богословских трудов под руководством Ртищева Федора Михайловича, про которого всем было известно, что он был большой любитель всякой учености и ученых богословских прений. Одни уверяли, что Ртищев собирает туда латинистов, сам учит латинский и скоро отрешится от православной веры. И пора бы уже патриарху обратить на это внимание. Но это, если говорить о старом покойном уже патриархе Иосифе, а новый только-только избранный патриарх Никон был «собинным другом» Федора Михайловича и частенько навещался в Андреевский монастырь посмотреть, как работают справщики с Малороссии и что переводят и исправляют. Но делал это, конечно, днем. Потому и возникало столько слухов о ночной жизни Андреевского монастыря.

Были такие, которые уверяли, что в Андреевском монастыре Ртищев собирает знахарей и чернокнижников и совещается с ними по ночам. Особенно напирала на то, что Ртищев держит при себе каких-то женок-литовок, которые якобы могли проникать в будущее и давали всегда верные советы. А литовки эти были либо папистки заядлые, либо язычницы поганые. Это ли не чернокнижие и бесовство! Впрочем,

с тем же основанием они могли быть и лазутчицами и шпионками, собирающими сведения о Литве и вообще Речи Посполитой.

Так что слухов бродило много. Если бы что-либо подобное позволил себе даже кто-то из бояр, ответные действия патриарха не заставила бы себя ждать. Но! Когда дело касалось Ртищева, все смолкало. Доводили ли до сведения Ртищева эти слухи, нет ли — точных сведений не было, но Федор Михайлович был слишком опытным придворным проникателем, чтобы не иметь полную картину того, что о нем говорят. Поэтому наиболее проницательные считали, что слухи о латинстве и черной магии вполне устраивают окольного, а, может быть, он сам велел их распустить.

Особенно преуспевал в распространении этих слухов один из ближайших сподвижников Ртищева — Озеров, и некоторым даже приходило в голову, что делает это Озеров умышленно, пытаясь навредить благодетелю, или собирал порочащие его благодетеля сведения по заданию патриарха.

«Извести духовника царского, — писал Озеров своему доброхоту, — что я у киевских чернецов учиться не хочу, старцы недобрые. Я в них добра не познал. Теперь я маню Федору Ртищеву, боясь его, а впредь учиться никак не хочу. Кто по-латыни учится, тот с правого пути сошел». Дружба, так сказать, дружбой, а служба службой. На всех укорот нужен. Но так как за самим окольным Ртищевым Федором Михайловичем никогда не водилось недостатка в усердном молении и выполнении всех предписанных православному христианину правил жизни, и особенно правила нищелюбия — он жертвовал и жертвовал много, — то соглядатаи и завистники не спешили с доносами, оставляя это до лучших времен, которых они со временем и дождались.

Чем тише говорили, тем больше шептались, и тайна Андреевского монастыря будоражила умы. Уж не сам ли государь поощряет подобные выходы?

Андреевский монастырь был расположен в весьма отдаленном месте.

«За крымским бродом. Церковь Андрея Стратилата», — вспомнил Матвей бесстрастное шевеление губ Алмаза Иванова.

Легко сказать, но добраться туда было совсем не просто. В поросшие густым лесом Воробьевы горы вела одна дорога, с двух сторон окруженная непроходимой чащей. А если она и была проходимой, то только для знающих людей. Но до этой лесной чащи прямо за крымским бродом был огромный крымский луг, больше похожий на болото. Туда добраться с калужской дороги кружными путями вниз к Москве-реке и далее петлявшей вдоль берега тропинкой мог только знающий человек. Можно было добраться и на лодке, но надо было платить, а денег

у Матвея не было. Поэтому Матвей вышел заранее. В его возрасте такая прогулка в погожий июньский день, когда все в цвету, была только в радость, которую лишь слегка омрачала неизвестность.

Крымский луг был одним из заливных царских лугов, на котором совершался выпас коней из царской конюшни, а также коней из Посольского приказа. Размером он был 52 га. Кроме выпаса лошадей в летнее время, с него также собирали и выкашивали траву на сено в зимнее время. На этих лугах всегда была охрана «для бережения от травли и от толоки». Поэтому, спустившись по оврагу к реке, Матвей узрел шагающего с топором за пазухой и с пищалью на плече человека.

— Андреевский монастырь? За крымским бродом? — насупившись переспросил он. — Крымский брод, ты, выюноша, миновал. Это крымский луг, царевы выпасы. Церковь Андрея Стратилата? Это еще не ближний свет. Тебе бы на лодке по воде до Преображенской пустыни.

— Я пешком лучше, — промямлил Матвей.

Охранник оказался понятлив.

— Ну, это дело хозяйское. Спускайся далее к самой реке. Там увидишь тропинку и по ней до причала. На причале увидишь — стоят кладки кирпича. В Андреевском кирпичи делают. И потом на лодках развозят по воде. Там действительно есть церковь Андрея Стратилата. Там и спросишь про монастырь. Но шагать тебе еще долго. Да повнимательнее будь, далее места глухие, леса да овраги. Воробьевы кручи начинаются. Так что поторопись, а то и к ночи не успеешь и заночуешь в лесу, — и, махнув на прощание, охранник пошел дальше нести свою службу.

И действительно, у ворот монастыря Матвей оказался уже затемно и уже сильно усталый, потому что после длинного пути вдоль реки пришлось взбираться вверх по очень крутому, почти отвесному склону. Справа и слева петлявшую, но довольно утоптанную дорогу, обступали кусты. С правой стороны виднелись какие-то низкие, темные, длинные строения. Сквозь них мелькал время от времени свет, поднимался дым.

«И ночью работают, — устало промелькнула мысль, — хотя, что же, и я на работу отправлен в ночь. Только точно ли ждут меня там?» — опять заволновался он.

Послышался лай собак. Значит, там жильё. Потом пошел бревенчатый забор и, наконец, показались ворота, перед которыми он остановился, с трудом нащупал кольцо и постучал.

«В такую темень и ночь в таком отдалении от посада откроет только сумасшедший, — подумал он, — придется, наверное, заночевать перед воротами».

Но, постучав в ворота, он к своему удивлению весьма быстро услышал шорох, потом стук и звон сверху на надвратной башне. Потом увидел

сгустившуюся тень, которая стала наклоняться к нему, держа масляный фонарь на палке, чтобы разглядеть фигуру позднего пришельца.

— Кто таков? — прозвенел в ночной тьме резкий вопрос, но неподдельного изумления в голосе он не услышал. Это был деловой вопрос.

— Матвей Мачехин. Приказано явиться в распоряжение окольного Ртищева Федора Михайловича.

Через несколько минут лязгнули засовы и ворота открылись. Матвей вошел во двор. Во дворе монастыря было довольно оживленно, в кельях виднелся слабый свет. Мелькали какие-то тени и не только в рясах, но и в кафтанах. Тут же появился служка, сказал следовать за ним. Они вошли в братский корпус и коридорами пошли мимо дверей.

«Кельи», — пронеслось в голове у Матвея, и тревога опять сжала его сердце.

У одной из дверей почти в конце коридора они остановились. Служка постучал размеренным стуком. «Наверное, условным», — подумал Матвей. Дверь отворилась. На пороге стоял человек хорошего среднего роста, худощавый. Лица его не было видно, потому что лампа светила сзади. Служка с поклоном отошел в сторону, и Матвей вошел внутрь комнаты. Дверь за ним закрылась почти бесшумно.

— Переводчик Посольского приказа Матвей Мачехин прибыл по приказанию, — произнес Матвей, непроизвольно сжимая шапку в руках.

Он чувствовал, что волнуется, и корил себя за то, что не мог справиться с волнением. Стоявший перед ним человек внимательно смотрел на него своими темными круглыми глазами. Этот осмотр длился недолго. Потом вдруг незнакомец улыбнулся во весь свой большой рот и произнес:

— Ну, вот и ладошки, что прибыл. Ртищев Федор Михайлович, — представился он.

И, повернувшись, пошел к столу, заваленному бумагами, сел на стоящую у стола короткую лавку и сказал, указывая на другую, напротив.

— Садись. Разговор у нас будет. В ногах правды нет.

Матвей, все еще теребя шапку, подошел к лавке и сел. Он облокотился спиной о стену и, коснувшись спиной холодной каменной стены, почувствовал себя увереннее.

Ртищев спокойно наблюдал за его действиями. Наконец, придвинув к себе лист бумаги, лежавший на столе в сторонке, как будто специально отложенный и подобранный, он спросил:

— Откуда будешь родом, Матвей Мачехин?

— Из костромских дворян род наш, — отлепившись от стены и прорываясь встать, проговорил Матвей.

Ртищев жестом и взглядом усадил его.

— Столбовой, коренной, потомственный? — уткнувшись в лист и вода по нему пером, задал следующий вопрос Ртищев.

— Дворяне мы, коренные.

— Вотчина есть? Наследственная? — был следующий вопрос.

— Да, еще деда. За московское осадное сидение пожалована.

— Сколько четей?

— Три сотни, — несколько неуверенно, словно боясь ошибиться, проговорил Матвей.

— А дворов?

— Два десятка.

— Не густо будет, — улыбнулся Ртищев, подняв глаза на Матвея. — Отец-то жив? — задал он очередной вопрос.

— Нет, умер, — при произнесении этих слов Матвей привычно перекрестился.

Ртищев взглянул вопросительно

— Медведь на охоте задрал, — пояснил Матвей.

— А-а-а, — неопределенно протянул Ртищев.

Причина смерти была обыденной.

— Братья? Сестры? — продолжил Ртищев, выждав положенные секунды.

— Два брата и сестра.

— Где служат?

— Один в Костроме служит у воеводы в приказе охранную службу, другой — в Галиче у воеводы в приказе подьячим. Сестра замужем. Живет в Галицком уезде.

Услышав это, Ртищев что-то даже пометил в листе.

— Давно ли поступил в Посольский приказ?

— С год уже как был вызван в Москву на службу государю.

Эти слова были произнесены Матвеем не без гордости. Ртищев чуть заметно улыбнулся. Он четко уловил все оттенки интонаций.

— К каким делам приставлен?

— Для ведения дел с французским языком.

Матвей заметил, что Ртищев время от времени заглядывал в лежавший перед ним лист и делал в нем пометы.

— Откуда французский знаешь?

— Француз в Костроме жил. Ссылный дворянин. Шарль Галейран, маркиз д'Асседовиль. Меня к нему определил дяк приказной избы для научения французскому языку.

И в ответ на вопросительный взгляд разъяснил:

— Матушка очень просила, как мне исполнилось 10 лет, определить в службу. Для приказных дел. А тут француз этот за приставами

жил. Дьяк-то и сказал: «Пусть Матвей твой французанский учит, раз французанин этот у нас пока сидит за приставами. Язык хоть и редкий и страна эта хоть и папежская, но вдруг да государю сгодится для каких-то его государских дел. Матушка заплакала. Зачем сыну моему язык папежский учить? Пусть лучше учится дела вести, чтобы в приказной избе сидеть и дела казны вести. Все прибыльок будет и уважение. Но дьяк сказал, что это будет самый лучший способ в Москву определиться со временем. И определил меня к этому французанину для научения письму и речи.

— И как этот Талейран тебе показался? — с любопытством спросил Ртищев.

— Обходительный и разговорчивый. Научал меня языку и письму. Все по Франции тосковал. Не верил, что король французанский оставил его в беде на произвол судьбы.

— Ну, дело давнее. Списано — забыто. Много ли о французанском королевстве сказывал?

— Да. Говорил, что страна прекрасная, теплая, что таких лютых зим не бывает.

— А по каким же книгам он учил тебя языку? У него что, с собой грамматики были?

— Нет, грамматик не было. Толстая была у него книга. Автор Монтень. «Опыты» называлась. Он ее больше чем библию читал. Говорил, что Монтень не только великий французанин, но что они из одних краев. Перигор называется. По ней и учил меня, говорил, что она не хуже, а даже лучше грамматики.

— Так что, о королевстве французанском представление имеешь?

— Да, некоторое.

— А говорил ли этот Талейран, как король относится к Руси?

— Он говорил, что его послали разузнать, какие порядки на Руси и крепко ли сидит новый царь. Говорил, что во Францию известия о Руси идут в основном из Польши. А его послали к князю трансильванскому Дьердю Ракоци, чтобы и другие окольные сведения получить.

Ртищев помолчал, провел ладонью по столу, как бы разглаживая лист, посмотрел на икону в углу, перекрестился. Матвей замер, потихоньку, однако, рассматривая сидящего перед ним человека, ближнего человека государя. Лицо у него было совсем не грозное, не насуспенное. Наоборот, очень даже располагающее к разговору. Круглое, чуть скуластое, с коротким, слегка курносом носом и с мягкими карими круглыми глазами, которые он любил хитро прищуривать, смотря немного снизу вверх. Движения его были мягкими, неслышными.

— Нужно службу государю сослужить и службу важную, — с расстановкой на каждом слове наконец произнес Ртищев.

— После замирения в Европе, — продолжил далее, — французанский король стал самым влиятельным. Ничего в Европе не делается без совета с ним. Нужно съездить к королю с тайным поручением.

Узнать доподлинно и в подробностях, какие теперь отношения у Франции с Польшей и будет ли Франция за Польшу стоять, если его царское величество решит разорвать вечное dokonчание с Речью Посполитой и потребует вернуть русские земли.

Узнать нужно также, в каких отношениях король с султаном и будет ли помогать ему султан против императора, если тот, как родственник, решит помочь польскому королю.

Узнать нужно, что важнее для короля: дружба с султаном или с шведской королевой, если, конечно, встанет вопрос о выборе.

Узнать нужно также, много ли войска у короля, посылает ли он военных людей к польскому королю, помогает ли деньгами.

Узнать нужно также, смогут ли войско перебросить в Польшу, если польский король помощи попросит.

Ртицев, видя ошеломленное лицо собеседника, замолчал.

— Дозволено мне записать, а то упомнить трудно? — комкая в руках шапку, спросил Матвей.

— Запишешь еще, время будет. Это пока для первого знакомства беседа, для общего обозрения, — подбодрил Ртицев и взял еще какой-то лист.

— И еще, Швеция и Франция были союзниками в войне и как победители больше всех получили по Вестфальскому миру. Нужно выяснить, так ли крепки их союзнические отношения сейчас и совпадают ли их интересы и взгляды на расстановку сил и образовавшиеся границы в Европе.

Знают ли во Франции, что Хмельницкий просится в подданство и к султану и к царю? И одновременно договаривается с крымским ханом и трансильванским князем о совместном союзе в приобретении независимости. Готова ли Франция признать независимость крымского хана от султана, трансильванского князя от императора и украинского гетмана от польского короля? Думаю, что отношение будет различным.

Ртицев помолчал.

— Ну, теперь тебя буду слушать.

Взгляд его обратился к другому листу, лежавшему на столе. Он подвинул его к себе.

— Что знаешь о нынешней обстановке во Франции?

— Я в Посольском приказе как раз составлял отписки по пришедшим курантам, которые «Газетой» зовутся, вестовым и летучим письмам.

— И какое впечатление составил?

— Нестроения во Франции. Король в возраст еще не вошел. Привит его мать.

Регентский совет, в который вошли родственники короля, распущен, но они не хотят смириться с этим, и стремятся управлять сами. Король признан совершеннолетним, но не коронован. Столица, город Париж, стоит против первого министра кардинала Мазарини, чужеземца. Так пишут в парижских газетах: «Долго ли французский народ будет терпеть засилье чужеземцев?» Это находит поддержку и в народе и у аристократии.

— Чужеземцы на троне? Как такое может быть? — недоуменно спросил Ртищев.

— Королева — испанка, первый министр — итальянец, король — отрок. Ситуация осложняется тем, — продолжил Матвей, — что Франция воюет с Испанией, где королем — родной брат французской королевы Анны Австрийской.

— Да, ситуация запутанная, — раздумчиво протянул Ртищев, вертя в руках перо, — как мудро установили наши предки, что не берут для государей иностранок в жены. Это уж точно источник вечной смуты. Сегодня — друзья, завтра — враги. Понятно, что народ не может доверять такой королеве.

— К этому прибавляется полный разлад в королевском доме. Там как-то так получилось, что у покойного короля, кроме двоюродных братьев, оказались и сводные.

— От предыдущих браков? — спросил Ртищев.

— Нет, незаконнорожденные дети первого Бурбона от всяких его полюбовниц, которых он признал и сделал принцами. Это герцоги Бофоры и Вандомы — дети Франции, как их называют.

— Как ТАКОЕ возможно? — опешил Ртищев.

— Вот так. Во Франции оказалось возможно. И теперь там очень много возможных законных претендентов на трон, паче с королем что-нибудь случится. Сообщали, что он болел так, что боялись за его жизнь и, конечно, знать неволью уже посматривала в сторону претендентов, а это и Конде, и Вандомы, и Бофоры, и герцог Гастон Орлеанский, родной дядя короля, — начал перечислять Матвей.

— То есть положение сложное. Власть шатает? Так? — спросил Ртищев.

— Можно и так определить. Тем более что король не коронован. Как бы получается, что и он претендент, — согласился Матвей.

— Можно ли определить так, что Франция не вмешается в польские дела?

Матвей задумался. Мысленно начал он как бы перелистывать страницы прочитанных газет.

— Польша далеко от Франции. Между ними лютторские страны, — стал перечислять он, — они католических монархов не любят. К тому же Франция хочет большинство иметь после победы над Габсбургами, хотя прямо вмешаться не может, потому что не является членом имперского союза.

— А Швеция теперь член Имперского союза и с правом голоса, — вмешался Ртищев.

Матвей замолчал в ожидании, что скажет Ртищев. Он понял, что тот хочет определить еще какие-то цели.

— Довольны ли во Франции условиями, которые выговорила себе Швеция по мирному договору? — уже без привычной своей усмешки, заговорил Ртищев, — не зря же она так долго его не подписывала, по нашим сведениям, этот договор. Что-то за этим ведь стоит?

Совпадают ли интересы Франции и Швеции в польском вопросе? Генералиссимус Карл Густав, например, мечтает о польской короне, ведь он Ваза, и у него поддержка литовских магнатов. Что думают во Франции о возможном отречении Яна Казимира? И кого Франция предпочла бы видеть на троне: Карла Густава Вазы с последующим объединением Швеции и Речи Посполитой под его скипетром или кого-то еще? Император ведь не может сопротивляться возможному союзу Швеции и Польши, а, следовательно, переориентации польской политики. У Карла Густава с первого захода не получилось стать королем польским. Но он малый молодой и вояка бравый. Шведская королева Христина уже назначила его своим преемником, а Яном Казимиром польская шляхта и магнаты очень недовольны. Радзивилл — так тот только спит и видит присягать Карлу.

Ртищев задумался и стал что-то перекладывать на столе. Матвей молчал, тем более, что все услышанное итак было для него внове.

— Кстати, почему Христина назначила преемника, — заговорил вновь Ртищев, — она еще очень молода. Но! — И Ртищев опять взглянул на Матвея. — Она стала благоволить папистам. Французский посол Шаню и испанский Пимантель все время около нее вьются. Ведь Франция и Испания воюют, и не ясно, в чью пользу окончится война.

Вдруг на лице Ртищева появилась свойственная ему ехидная усмешка.

— А во дворце у нее живет Пимантель. Знает ли король, хоть он и в возраст еще не вошел, что Христина фаворитом имеет испанского посла? Думается мне, что Францию возможный союз Испании и Швеции должен встревожить.

— Да, так, — подтвердил Мачехин и для убедительности еще кивнул головой.

— Такие сложные схемы и завязки завязываются на европейских путях, что и не сразу разберешь. Никакой шахматной доски не хватит.

Ртищев улыбнулся открыто и весело.

— И как мыслишь действия? — спросил он Матвея.

— Какие? — переспросил Матвей.

— Какие действия может предпринять Франция и ее король? — повторил свой вопрос Ртищев.

В комнате повисло молчание. Матвей явно был растерян.

— Не бойся, — подбодрил его Ртищев, — скажи, как думаешь. Назад не отошло.

— Думаю, пока король не войдет в возраст, не отстранит мать от дел управления и не станет принимать решения сам, Франция ничего предпринимать не будет.

— Сиречь момент благоприятный? — уточнил Ртищев.

— Думаю, да, — не совсем уверенно поддакнул Матвей, не понимая, о каком благоприятном моменте говорит Ртищев.

— Но! — и тут Федор Михайлович поднял палец кверху, — не мешало бы заручиться и каким-то соглашением, чтобы доподлинно знать, а не гадать и не предполагать.

Ртищев хлопнул рукой по столу, листы шевельнулись, свеча всколыхнулась, по стенам замелькали тени.

— Решение нужно принять, и решение не шуточное. Лишние души православные губить ни к чему. И бог не простит, — тут Ртищев перекрестился, — да и душ не так много.

Он взглянул на Матвея, и некоторое время они удерживали взгляд друг друга. Ртищев словно хотел проникнуть в душу собеседника, которого ведь видел впервые, а Матвей боялся отвести глаза.

— Поэтому, — наконец продолжил Федор Михайлович, — решено государем отправить тебя тайным гонцом для ведения переговоров об этом деле.

— Отправить во Францию? Меня? — в голосе Мачехина слышалось неподдельное изумление.

— Да, поедешь с тайным поручением от государя к государю. С посланием к государю королю французанскому Людовику, в котором будут изложены все неправды польской шляхты, творимые над православными подданными польского короля. Во Франции двоеверие не запрещено, и люди разных исповеданий имеют равные права.

— Да, королем Генрихом Бурбоном был подписан Нантский эдикт о свободе вероисповедания. Гугенотов не притесняют, — поддакнул Матвей, желая показать свою осведомленность.

— Гугенотов? — удивился Ртищев незнакомому слову.

— Да, так у них люторцы называются, — пояснил Матвей.

— Как только они не называются, везде по-своему, не разберешь, — Ртищев развел руками, и лукавое лицо его расплылось в довольной улыбке, но через мгновение лицо его опять посерьезнело.

— Так почему в польском королевстве происходит такое — попирают души православные? Франция должна придерживаться одинакового отношения в делах и к своим гугенотам и к украинским православным. Более того, Ян Казимир имеет тайный договор с крымским ханом Исмаил-Гиреем о том, что татары могут уводить в рабство православное население и продавать!

Ртищев взглянул на образа и перекрестился.

— Действия польской шляхты нарушают условия вечного докончания. Это следует довести до короля. Прояснишь также, буде возникнет у нас война с польской короной, не возьмет ли Франция на себя посреднические функции при заключении мира как страна, не заинтересованная в противостоянии? — Ртищев голосом выделил «не».

Опять возникло молчание.

— И помни, что человек — то разум. Ты должен добиться встречи с королем и разговаривать с ним от имени государя. Тебе наверняка будут там препятствовать, ссылаясь на то, что он мал, и дела ведут помимо его. Но ты настаивай на своем. Иначе поруха государеву имени выйдет. Коронован он, не коронован — он объявлен королем и другого нет, — и Ртищев даже слегка, только пальцами руки, хлопнул по столу, утверждая, что для Руси единственным королем является Людовик и точка.

— Так что, поручается тебе дело чрезвычайной государственной важности — послужить не только государю, но и вере православной.

Мачехин невольно поднялся с лавки и встал вытянувшись во весь рост. Ртищев скользнул взглядом по лицу Матвея и про себя отметил: «Истов и в вере и в службе».

— За государя и веру православную и живот положить не жалко, — осенив себя знаменем, громко и торжественно проговорил Матвей.

— Рвение твое похвально, но нужно не живот положить, а поручение исполнить и вернуться.

— Так я готов. Хоть сейчас!

Мачехин было направился к двери.

— Так я мигом соберусь, и в путь, — и он оглянулся на Ртищева, — только лошадь мне дайте, чтобы быстрее туда и обратно, — пояснил он, потоптавшись от смущения, что просит.

Ртищев смотрел на него молча и с интересом. Матвей невольно оглядел себя и смущенно замолчал. «Неужели спросил что-то несусветное?» — с ужасом подумал он. Но лицо Ртищева вдруг осветила благожелательная улыбка.

— Собираться будешь здесь и поедешь отсюда, костромичанин, — в интонации была едва слышна насмешка, впрочем, не обидная.

Матвей застыл.

— А как же матушка? Ей ничего нельзя узнать? — в ответ на просительный взгляд Ртищева, пояснил, — ну, что нет меня в Москве. Уехал по государевой надобности.

— Ей отпишут, — коротко бросил Ртищев, — а сейчас... — и Ртищев свистнул в свисток.

Вмиг возник служба.

— Проводи в свободную келью, — кивнул он в сторону Матвея, — дай отдохнуть, умыться с дороги, накорми и все такое. Погостит у нас пока, — и, взглянув на Матвея, проговорил, — мы с тобой еще потолкуем и не раз. Пока посмотришь донесения от верных людей, что они пишут, а не «Газета».

И Мачехин, поклонившись Ртищеву и недоуменно оглядываясь, последовал за служкой.

Когда дверь за ним закрылась. Ртищев опять уткнулся в лист, лежавший перед ним на столе. Это была отписка из Посольского приказа о дворянине Матвее Мачехине, переводчике. Прочитав еще раз изложенное, Ртищев пометил в листе:

«Отпущен тайно к французанскому королю с грамотой».

«Лучше поражение, чем неведение»

Ожидание чего-то необычного, крутого жизненного поворота, не оставляло Матвея. Он едет тайным гонцом по важному государскому делу. От того, как он выполнит это поручение, будет зависеть будущая судьба православных народов, притесняемых шляхтой. Способствовать благоденствию православных — это ли не высшее предназначение православного человека и не его ли святая обязанность! Все это было необычайно, почти невероятно. Монастырские ворота распахивали перед ним двери к земному яблоку, но войти в эти двери он должен был тайно.

Тайные агенты и службы существовали, конечно, всегда, но настоящему профессиональными, связанными с государственными стратегическими замыслами, а не с политикой какого-то монарха, они стали только в эпоху Тридцатилетней войны, и лавры первооткрывателя в создании иерархически организованной агентурной сети принадлежали кардиналу Ришелье.

Привести ослабленную гражданской и религиозной войной страну к могуществу в Европе при помощи армии другой страны, за деньги воевавшей в интересах Франции, несмотря на религиозные разногласия, и располагавшейся на противоположном конце Европы, мог только гениальный стратег. И таким стратегом был Ришелье.

Несомненно, великий Ришелье хорошо усвоил уроки иезуитов, но будучи истинным патриотом Франции, сумел создать и нечто новое, что стало конкурировать с иезуитскими методами сыска. Более того, ставшее нарицательным прозвище «серый кардинал», которым обычно величают руководителей тайных служб, не имело никакого отношения к иезуитам, а относилось к ордену капуцинов. Именно из этого ордена был первый «серый кардинал» — отец Жозеф, преданный сподвижник Ришелье. Эпитет «серый» относилось не к невзрачности его обладателя, а к серой рясе, в которую одевались члены ордена капуцинов.

О! Несомненно, Ришелье было очень трудно, почти невозможно совладать с некоторыми качествами своих соотечественников — насмешливостью и умением рассуждать. Кто, впрочем, упрекнет их в этом после Монтеня? Но и здесь Ришелье нашел способ заставить французов следовать его правилам игры. Он издал указ, что всякий, кто усомнится в возможности наведения порчи, ведьмовства и бесовского наваждения, карается штрафом в 10 000 ливров или тюремным заключением. Это был очень умный ход, потому что только дьявольская завеса дьявольского наваждения хорошо помогает в делах плетения тайных интриг.

Хорошо изучив сочинения Фомы Аквината, он использовал в своих целях и другое грозное оружие. Фома утверждал, что проституция есть необходимейшее зло, она является абсорбентом, поглощающим нечистоты и очищающим от греха благочестивое общество. Ришелье наводнил Париж куртизанками, такими как Марион де Лорм и Нинон де Ланкло, которым создавались все условия для раскидывания сетей обольщения. Им предоставлялись особняки не в квартале Марэ, а в лучших частях города, в которых только и могли собираться аристократы и приближенные ко двору. За легкой беседой и легким вином выбалтывалось так много, что этого с лихвой хватало на громкие процессы против аристократов и громкие казни.

Для высоколобых интеллектуалов и чувствительных дам было создано другое место общения — отель Рамбуйе, отстроенный с невероятной роскошью на непонятно чьи деньги и ставший местом сбора писательской элиты Франции и молодых аристократов. «Возлежа на великолепном ложе в платье из тафты, муара, дамаска с золотыми кружевами, мадам Рамбуйе отводила беседе о новостях самое почетное место, всячески поощряя высказывания свободные и нелицеприятные», — вспоминал современник. Ришелье сам был частным посетителем этих салонов,

и в той воображаемой игре в жизнь римских аристократов ему общим хором льстецов была дарована роль Сенеки, хотя скорее подошла бы роль Суллы.

Все эти салоны выполняли указание кардинала: «Сбить спесь с аристократии и умалить ее роль в политической жизни страны». Ришелье выбрал для себя в отношении знати девиз: «За величие унижить!»

Не оставлял кардинал без своего присмотра и более широкие неблагородные слои общества. Из актерского общества по разыгрыванию религиозных мистерий в дни празднеств он создал первый общедоступный французский театр Бургундский отель, который собирал вместе разные слои парижан и позволял наблюдать за отдаленными и отделенными от дворцов людьми.

Для всей остальной Франции была основана «Газета», которая формировала мнение грамотного населения страны.

И это не говоря уже о привычных способах соглядатайства: в постоянных дворах, через подкупленных слуг, ревнивых жен и мужей, священников, раскрывавших тайну исповеди.

Да, кардинал, несомненно, усовершенствовал способы доношительства, которые он именовал обличительством. Ведь его девизом было: «Я скорее предпочту поражение, чем неведение».

Все эти мероприятия дали поразительный эффект. Кардинал очень быстро собрал компромат на самый широкий круг интересовавших его лиц и — полетели головы, палачи заработали. Осведомленность приводила к победе над внутренним врагом.

С не меньшей энергией направил свои усилия кардинал и на внешние угрозы королевству. Когда в 1624 году Ришелье стал первым министром после смерти де Люиня, Тридцатилетняя война уже шла, но кардиналу показалось, что она идет спонтанно, с недостаточной интенсивностью и не в интересах Франции. Того и гляди Габсбурги задавили бы робкие попытки восстать против их владычества, а это не входило в планы Ришелье. В этой стихийно разразившейся войне без его ведома и до его появления в качестве министра он учуял огромные перспективы, открывающиеся для Франции в случае поражения Габсбургов: в идеале — императорскую корону для французского короля, но и отток французских кальвинистов на борьбу с Габсбургами тоже был неплохим, а главное — немедленным результатом. Он прекрасно понимал, что вопрос религиозный — только щит, под которым скрывается меч усобиц. Поэтому он, расправляясь с протестантами и укрепляя католические основы государственности во Франции, распахивал их в Англии, посылая туда отца Жозефа для переговоров с мало кому известным тогда Кромвелем, которого даже ссужал деньгами, и опираясь на Лесли в Шотландии. Ослабляя Англию, он возвышал Францию — это он понимал.

Стойко перенеся убийство Густава Адольфа в 1632 году, он сумел организовать руками того же Лесли убийство Валленштейна. И сумел чужими, шведскими руками, уничтожить могущество австрийских Габсбургов, выплачивая королю Густаву Адольфу огромную сумму на содержание армии и пообещав земли немецких княжеств. Он сберегал силы Франции, которые были тогда невелики, и двинул их на Габсбургов только после смерти шведского короля.

Но в последней и решительной битве с Габсбургами он не соби­рался ставить на одну, пусть и верную и сильную, лошадку. Здесь нужны были разные рычаги влияния. И не последним таким рычагом был князь трансильванский, семиградский, владетель Венгрии и ее вож­дь, Дьердь Ракоци.

Как ни странно, но Венгрия, находясь на окраине Европы, у границ Османской империи, всегда играла важнейшую роль в европейской политической борьбе. Это было связано с тем, что эрцгерцог Фердинанд, император Священной Римской империи, считал себя королем Венгрии, и корона эта много значила в политической расстановке сил Священной Римской империи, где император избирался. А ситуация в Священной Римской империи фактически и определяла ситуацию в Европе.

Поэтому эмиссары кардинала неизменно находились при дворе Ракоци, чтобы направлять его действия в борьбе с Габсбургами в интересах Франции. Ракоци же считал Францию союзником, потому что добивался признания независимости Трансильвании. Кардинал манил его обещаниями и даже заключал с Ракоци договоры, хотя тот был протестант. В 1644 году в самый разгар войны, когда победа союзников была уже близка, кардинал заключил военный союз с Ракоци против Габсбургов. И император оказался окруженным ярыми противниками с трех сторон.

Зоркие глаза кардинала проникали все, а длинные руки достигли и Москвы. Конечно, как истинный католик он радовался победе Владислава в Смоленской войне и даже послал к нему приветственное послание, но с каким презрением он отвернулся от него, когда узнал, что результатом этой войны был все-таки отказ Владислава от русского трона. Европе не оставалось ничего другого как признать его за Романовыми. Выбив Владислава из правового поля, Москва решила самую насущную задачу своей внешней политики. От имени России теперь мог говорить только Михаил Романов. И сразу же Ришелье шлет Дээз де Курменена с посланием и предложением стратегического союза:

«Есть в наших странах, — говорилось в послании Ришелье за подписью Людовика, — дом австрийский, к которому принадлежат

цесарь и король испанский, цесарю друг и цесарева рода. И с польским королем они стоят заодно, и польский король тому цесарю помощь чинит немалую. Королю францужанскому тот австрийский князь недруг, а царю недруг — польский король. Прибыль же цесарь и испанский король получают от того, что посылают торговать в восточные земли и делятся и помогают польскому королю. Так если францужанский король с царем будет в дружбе и любви, и царь торговлю велит в Руси францужанам дать повольную, то король францужанский станет австрийский дом теснить и торговлю их восточную отнимет. Тогда у них силы убудет, и они польскому королю помогать перестанут.

Пусть его царское величество позволит ездить францужанам в Персию через свои земли, и от того царю и его подданным будет прибыль большая. Ведь англичане, брабантцы и голландцы покупают товары в францужанской земле, а в русском государстве продают их дорогою ценою, а францужане станут привозить товары самые добрые и продавать их по прямой цене.

Царское величество — глава и начальник над восточную страну и над греческой верою, а Людовик — король французский — начальник в полуценной стране, и когда царь будет в дружбе, любви и соединении с королем, то у царских недругов много силы убудет. Цесарь римский с польским королем заодно, а царю с королем французским надобно же быть в дружбе и на недругов стоять заодно.

Французский король турецкому султану друг. Зная, что царскому величеству турецкий султан друг, а над православною христианскою верою греческою верой царское величество начальник, ЗНАЯ ЭТО, король наказал послам своим в Царьграде, чтобы они русским людям и грекам, которые при них будут, во всяких делах помогали.

Такие великие государи — король французский и царское величество везде славны и других таких великих и сильных государей нет, а ГЛАВНОЕ — подданные их все люди во всем им послушны, а не так, как англичане и брабантцы, которые делают все по своему хотению».

И, заметьте, ни слова о союзниках шведах, которые воюют за интересы Франции с императором. Но союза с Россией не получилось по разным причинам. Одной из них было, конечно, то, что Ришелье был кардиналом и, конечно, учитывал интересы папы. Москве было известно, что заключать договоры с такими людьми было не только бессмысленно, но и опасно. Напоминание же о поддержке Францией русских интересов в Константинополе было просто издевательством. В Москве помнили прямо-таки враждебные действия французского посла де Сези в Блистательной Порте против русских и православной веры в пользу поляков, с вмешательством во внутренние дела право-

славной церкви и свержением константинопольского патриарха Кирилла. А может быть, на Руси уже читали Монтеня, который говорил: «Лгать и постоянно нарушать слово у французов отнюдь не порок. Для нас это то же, что манера разговаривать».

Во всяком случае, посольство Курменена было безрезультатным. За что, как водилось у Ришелье, он и поплатился головой в 1634 году, ведь Ришелье исповедовал заповедь: «Чтоб быть справедливым, надо быть жестоким».

Однако внешнеполитическая ситуация в мире и интересы Франции обрисованы были в этом послании Ришелье очень четко. До конца своей жизни он проводил политику именно ту, что обрисовал в послании царю.

Но чтобы «подданные были во всем послушны», а Габсбурги повержены, требовались огромные усилия и можно сказать, что Ришелье при том состоянии, в котором находилась Франция, удалось сделать почти невозможное. Агентурная сеть, раскинутая им по всей Европе, играла в этом далеко не последнюю роль.

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН»

— Выполнив тайное поручение, любой, даже бедный дворянин может добиться и богатства и власти. Правители Могуществ заинтересованы часто в самом незначительном своем подданном, если он окажется в нужном месте в нужное время, владея нужными навыками, — говорил Матвею Шарль.

— Зачем же тайно ехать? Это же непригоже дворянину. Не христиански это, да еще с чужим именем, — не понимал Матвей, — все тайное все равно станет явным. Так в писании написано, — и он привычно перекрестился.

— Это правда, мой друг. Вопрос только в том, когда это произойдет. В политике фактор времени очень важен. Как говорил Монтень, по книге которого ты изучаешь мой прекрасный язык: «Разными средствами можно достичь одного и того же к выгоде своего государя в ущерб другому. Ведь правда — это не то, что есть в действительности, а то, в чем мы убеждаем других. Надо только уметь убедить в этом, и в зависимости от убедительности доводов, человек человеку или бог или волк».

А вот если посланец выполнит порученное ему, то послужит своему государю, и тот наградит за верную службу, хотя, как говаривал

тот же мудрец: «Государи столь же непостоянны в своих желаниях, как и мы. Но у них, в отличие от нас, больше возможностей».

Кстати, когда я у Ракоци, князя Трансильвании был, там находил-ся и один русский — князь Шуйский. Очень был умен, и по-латыни, и по-немецки и по-итальянски свободно изъяснялся. К Ракоци из Венеции прибыл по тайным делам, между прочим, — и Шарль лукаво посмотрел на Матвея.

Слова Шарля часто звучали туманно и неясно, в них сквозила недосказанность и какое-то двумыслие. Получалось, что одно и то же дело может быть и хорошим и дурным в зависимости от того, кто смотрит и как смотрит. Все это очень противоречило четко прописанным православным догмам.

— Мсье Талейран, а что это за страна Трансильвания? — спрашивал Матвей. Само название звучало необычно.

— Ее еще называют Семиградье, сейчас княжество, вассальное турецкому султану, но хочет независимости и от султана и от императора. Расположено среди гор. Попастъ туда можно только горными дорогами, а это является большим стратегическим преимуществом. Турецкий султан и император ведут спор за эту территорию. Ведь император считается королем Венгрии, а часть венгров его таковым не считают и там идет непрерывная борьба. В зависимости от того на чьей стороне князь Трансильвании, увеличиваются или уменьшаются силы Могуществ в борьбе друг с другом.

К тому же, там не только мусульмане и католики, но и протестанты. Бентлем Габор называл себя вассалом турок, он был протестант и ненавидел папу и Габсбургов. Его вдова вдруг приняла католичество под влиянием ласковых речей иезуитов. И чаша весов склонилась в пользу Габсбургов.

Сейчас там правит Дьердь Ракоци, который борется против императора в союзе с Францией и Швецией. Он протестант, но верный союзник кардинала.

— Далеко это от Франции?

— Да, порядочно, нужно проехать по землям императора, с которым наш король сейчас воюет. Для этого и нужны тайные документы. Это военная хитрость. На войне как войне.

— А зачем сюда нужно было ехать?

— Много будешь знать — скоро состаришься, — невесело отшутился Шарль.

Потом задумался, глядя в окошко на летучую белую пелену.

— Самое безрассудное было не в Трансильванию ехать к тамошнему князю, врагу Габсбургов. Самое безрассудное было ехать в Москву да еще с этим кальвинистом Русселем. Но мне очень хотелось, и я решил.

— А почему хотел ехать? Что-то слышал? Про чудеса, веру православную, Москву, она же — третий Рим?

— Вера? — Шарль помедлил, — вер теперь много. Прямо-таки пруд пруди.

Москва — третий Рим? Не знаю. Наш покойный король Генрих хотел сделать Париж вторым Римом. Так что претендентов стать центром веры много.

Нет. Пьеса одна знаменитая, по которой в Европе все с ума сошли, была про Московию.

— Пьеса?

— Ну, зрелище со стихами, которое представляют для зрителей.

— Скоморохи? На площадях?

— Скоморохи?

— Ну, потешники, которые из города в город ходят и народ веселят на площадях, а если позовут, то и в богатый дом идут.

— А... странствующие актеры. Нет, эта пьеса представлялась в придворных театрах королевским актерами.

И в ответ на вопросительный взгляд, пояснил:

— Актеры, которые жалованье получают от короля. У них есть свой дом, где они представления дают, своя сцена. К ним приходят, а не они едут.

Глядя на белую пургу за окном и на заиндевелые ели, Шарль продолжал:

— Чудная пьеса. Испанская. Называется «Жизнь есть сон».

— Жизнь есть сон?

Матвей про себя улыбнулся, вспомнив какое впечатление произвело на него тогда это название. Он тогда невольно закрыл глаза.

— Ведь спят с закрытыми глазами.

Шарль уловил его движение.

— Ты прав, Матье. Спят с закрытыми глазами, поэтому правильнее сказать: «Жизнь — есть сновидение». И это похоже на правду. Сновидение приходит к нам. И мы не можем заказать его по своему вкусу. И в этом смысле жизнь — это сон. Жизнь является к нам такой, какая она есть.

Шарль невольно вздохнул, и в этом вздохе сквозила тоска.

— Да, так вот я хотел увидеть Московию, о которой говорится в этой пьесе.

— А о чем пьеса?

— У польского короля есть сын, который по гороскопу родился под несчастливой звездой. Король-отец запер его в башне в глухом лесу, а трон решил отдать московскому герцогу.

— Великому князю?

— Да, пусть так. В общем, владельцу Московии, с условием, что он женится на его племяннице. Но в какой-то миг польский король, а звали его Базилио, решил все-таки убедиться, действительно ли его сын Сигизмундо...

— Сигизмунд? Был такой польский король, — вставил Матвей.

— Ну вот, действительно ли он будет источником несчастий. Он решил напоить Сигизмундо сильным снотворным зельем и во сне перенести его во дворец и объявить его принцем. Посмотреть, как он будет вести себя и, если он будет недостойн венца, также во сне перенести его обратно в башню, чтобы он подумал, что это был всего лишь сон.

— И что дальше?

Шарль снисходительно улыбнулся и продолжил.

— Все было выполнено по повелению польского короля.

— Принц Сигизмундо, его сын, просыпается во дворце и видит себя окруженным роскошью, видит множество слуг, готовых исполнить любое его желание и видит своего отца. Но в его груди одна злость и ярость против всех, кто держал его всю жизнь с детства в темнице, подобно зверю. Он готов всех убивать. Он жесток.

Король понимает, что он не может править, и приказывает отнести его спящего обратно в темницу. Но, народ, узнав, что есть принц — наследник престола, врывается в башню и освобождает его, потому что не хочет чужестранца-московита на троне.

Из Московии нам принца не надобно!

Народ, узнавши, что у него есть царь законный,

Не хочет, чтоб владыкой был чужеземец.

— Но было все с точностью до наоборот! — удивленно воскликнул Матвей. — Нашему царю не нужна была польская корона. Это поляки хотели сесть на русский трон, — горячо начал просвещать француза Матвей, но тот и так не склонен был спорить.

— Ну что-то этот Кальдерон не знал. В этой пьесе не историческая достоверность важна, а чудные испанские стихи:

В этом мире каждый, живя,

Лишь спит и видит сон.

Без заблужденья существует, кто сознает,

Что жизнь есть сон.

Нараспев продекламировал он.

Жить — значит спать, быть в этой жизни —

Жить сновиденьем каждый час.

И грезит тот, кто оскорбляет

И грезит тот, кто оскорблен.

И каждый видит сон о жизни
И о своем текущем дне,
Хотя никто не понимает, что
Существует он во сне.
Что жизнь? Безумие, ошибка!
Что жизнь? Обманность пелены.
И лучший миг есть заблужденье,
Раз жизнь есть только сновиденье,
А сновиденье — только сны.

Декламируя, Шарль не отрывал взор от окна.

— Ты думаешь, что спишь, и Кострома тебе только снится? — спросил Матвей.

Шарль помолчал.

— Да, снится уже пять лет, — невесело откликнулся он, — ну, вот, — продолжил Шарль, — и поехал я в Москву вместе с Русселем. А он был ярый кальвинист, и все силы отдавал борьбе с «ужасающим драконом папизма». Я для него был лишь шпигон Ришелье, ярого католика, убившего тысячи протестантов во Франции, захватившего их города и крепости, изгнавшего кальвинистов из Сорбонны и, кстати, самого Русселя из Парижа. Слишком я по молодости был откровенен с ним, хвалясь личным поручением кардинала.

И вот Руссель решил на всякий случай выбить меня из игры. В Москве ему очень доверяли. Так что, когда он сказал в Посольском приказе, что у меня тайное поручение от Ришелье поссорить Москву с Константинополем и любыми средствами добиться, чтобы Москва начала военные действия против османов, ему поверили.

На самом деле Ришелье узнал о том, что царь Михаил тоже помогает шведам деньгами и хотел поточнее проверить, сколько платится и в какой форме. Шведы его об этом не очень-то осведомляли, а он, как я уже сказал, предпочитал поражение неведению. Он заинтересовался Россией и тем, как она может помочь осуществлению его целей. С австрийскими Габсбургами он разделался шведскими руками. С испанскими хотел разделаться турецкими... а, может быть, — кто знает? — русскими. Для истинного стратега нет ничего невозможного.

Я в Москве и был-то только проездом. Дальше должен был ехать в Константинополь, а потом в Исфахан.

— В Персию? Так зачем через Москву? — воскликнул Матвей.

Но Шарль не ответил, а продолжил историю своих злоключений из-за Жака Русселя.

— Но Руссель то ли испугался, что я перехвачу его связи, или боялся, что два шведских кредитора договорятся, — Шарль щелкнул пальцами, — это была тонкая игра, достойная кальвиниста. Он вел ее так

скрытно, что я ничего и не заподозрил. Ведь у меня-то связей в Москве не было. И вмиг выслали меня сюда. Матье, ты знаешь, что значит 5 лет просидеть без дела и выбыть из игры? Даже если я вернусь во Францию, там меня давно уже забыли. Так что, если придется тебе выполнять тайные поручения, не доверяйся никому, чтобы твои секреты не использовали против тебя в своих интересах.

— Но ты же сказал, что хотел увидеть Московию. Разве это предосудительно? — недоуменно спросил Матвей.

Шарль рассмеялся.

— А ты сообразительный мальчуган. Московию я действительно хотел увидеть, но и дела не ждут. И дворянин должен служить, если хочет чего-то добиться. Во Франции ведь от податей освобождены только те, кто имеют титулы.

— Титулы? — изумленно воскликнул Матвей.

Шарль снисходительно посмотрел на него.

— Вот ты дворянин?

— Да.

— А дворяне ведь все неодинаковы в своем значении?

— Да, есть столбовые, коренные, потомственные, — начал перечислять Матвей.

— Это не титул. Вот у вас князя есть. Князь — ведь это титул?

— Князь! Куда хватил. Это только Рюриковичи или Гедиминовичи. Потомки царских родов. Их немного.

— А еще титулы есть у дворян?

— Нет.

— Это не правильно и не дальновидно. Во Франции есть виконты, маркизы, графы, герцоги, принцы. Дворяне служат, чтобы получить титул. С ним приходят льготы двора, освобождение от податей, а это большое облегчение. Я, например, маркиз, и это неплохо. Но я хочу быть графом. Стану графом, буду думать о герцогском или княжеском титуле, как у вас. Князь Талейран. По-моему, неплохо звучит. Но чтобы получить это, я должен служить и не просто служить, а быть незаменимым.

Шарль вдруг сник.

— А там мне уже давно нашли замену.

— Не огорчайся, мсье Шарль. Ты свое возьмешь. Скоро уже отпустят тебя домой, и кончатся наши уроки французанского.

Шарль погладил Матвея по голове.

— Уже просили и не раз. Последний, кто приезжал, был Гастон де Шарон. Карл английский наделил его посланием от себя лично и от голландского принца Нассауского. Но! Царь что-то медлит. Не знаю, что там Руссель наплел. В тайной борьбе, которую ведут государи, все средства

хороши, чтобы уничтожить соперника. Мог сказать, что задание есть умыслить на жизнь государя, как умыслили на жизнь шведского короля. Тогда все были перепуганы.

Шарль вздохнул и прочитал нараспев.

Так жизнь и мир на сон похожи,
Что правда кажется обманом,
Обман является как правда,
И столь различья мало в них,
Что разрешить уж невозможно недоумье.
Без заблужденья существует лишь тот,
Кто сознает, что жизнь есть сон.

Стихи Кальдерона в переводе К. Бальмонта

Потом погладил Матвея по волосам.

— Ты хороший ученик, Матве. Жаль, что у меня с собой лишь Монтень, а то бы мы и стихи поучили.

— Так ты сегодня мне много стихов сказал, — Матвей удивленно посмотрел на учителя.

— Так это испанские, в переводе. Испанцы блистательны в страсти, но не так тонки, как мы французы, в оттенках чувств.

Шарль опять замолчал.

Тут дверь открылась, и на пороге появился пристав, который частенько навещал ссыльного. Матвей мигом забрал свои тетрадки и ушел. А на следующий день Шарль покинул Кострому. В ответ на недоуменные вопросы Матвея, в приказной избе сказали:

— Кончилось твое учение. Уехал твой французанин в свое королевство. Сам король французанский письмо прислал с просьбой отпустить его обратно.

Так внезапно прервались уроки французанского, но они сослужили Матвею хорошую службу. Его взяли в Москву в Посольский приказ, а теперь вот он едет во Францию.

Матвей вздохнул и прошептал:

Так жизнь и мир на сон похожи,
Что правда кажется обманом,
Обман является как правда,
И столь различья мало в них,
Что разрешить уж невозможно недоумье.
Без заблужденья существует лишь тот,
Кто сознает, что жизнь есть сон.

Сложности передвижения

Легко дать задание добраться до Франции — выполнить его было значительно труднее. Несмотря на то, что Тридцатилетняя война закончилась, и Вестфальский мирный договор подписан и ратифицирован договаривающимися сторонами, Европа все еще была наводнена войсками, двигавшимися в самых разнообразных направлениях и с самыми непредсказуемыми целями, и это не считая стихийно образовавшихся вооруженных банд, состоявших из бывших наемных солдат различных армий, крепких мужчин, не знавших в своей жизни ничего, кроме войны. Поэтому путь посуху через границы по опасным дорогам был отвергнут сразу.

Но и по морю путь для русского человека был нелегок. По статьям Столбовского договора граница проходила по речке Лавуя, и выхода непосредственно к морю не было даже через Иван-город, который находился на шведской территории. Тем не менее, ехать можно было только этим путем, потому что путь из Архангельска морем был слишком долг и не менее опасен, а послание надо было довести и вернуться с ответом к определенному сроку. Однако и в этом сухопутном путешествии до моря было много сложностей. Конечно, путь до Нарвы по территории, населенной русскими, хотя и был опасен, но было много людей, готовых помочь пройти его незаметно, не привлекая внимание. В нарвском порту он должен был сесть на голландскую шхуну и плыть до Кале под видом торговца, едущего узнавать возможности закупок вина во Франции и якобы с тайным заданием достать виноградную лозу для разведения в царских садах и основания на Руси виноградарства, что действительно было заветной мечтой царя Алексея Михайловича. Поэтому самое сложное было пройти таможенный пост в нарвском порту.

Иван-город и Нарва были разделены рекой с высокими и крутыми берегами. Оказавшись на нарвской стороне, Матвей невольно бросил взгляд назад на стены и башни Иван-города, русской крепости. Как ни странно, проехав десятки верст по шведской территории, он только теперь ощутил, что покинул пределы России, православного мира, «перепрыгнул тот ручеек», как сказал в свое время Густав Адольф. Только теперь он был за границей православия, что ощущалось тогда как закон жизни. Перекрестившись на оставшиеся позади стены и башни православной родины, «может быть, в последний раз», — почему-то подумалось ему, он зашагал к пограничному посту.

Олеарий писал: «Город Нарва находится в Аллентакене на ингерманландской границе на быстро текущей реке. Река эта у города Нарвы достигает почти такой же ширины, как Эльба в Германии. Вода в ней бурой окраски и вытекает из озера Пейпус около Дерпта.

Нарва построена, по преданию, королем датским Вальдемаром вторым в 1223 году. В этом замке сейчас находится шведский наместник. По ту сторону воды, на противоположном берегу, находится окруженный тремя каменными стенами укрепленный замок Иван-города, русской крепости. В наше время Нарва была невелика, но как пограничная крепость она была обнесена крепкими валами и каменными стенами и снабжена довольно хорошим гарнизоном.

После окончания войны торговля опять начала направляться сюда, и город расширился согласно предписанию наместника королевы. Расчищали ровные и широкие улицы, чтобы легче было проходить повозкам. Вдоль этих улиц уже построены были великолепные каменные дома, потому что строить из одного дерева запрещено наместником шведской королевы. Купцы и ремесленники принимаются в Нарву со всей Европы и становятся гражданами города. Голландцы предпочитают везти товары в на Русь через Нарву — в год приходит свыше 60 судов.

Ревель не пользуется такой популярностью у торговцев, как Нарва. Это поняли даже шведы и решили углубить и расширить русло реки, для этого и убирают мели. Важность Нарвы так велика для шведской короны, что королева освободила город от шведского суда, и город располагает своим судом в лице наместника, имеющего титул бургграфа. Граф и генерал Густав Горн — военный губернатор и комендант Нарвы — управляет от имени королевы. Он вершит суд и в церковных и в политических, и в гражданских делах».

Такое упорство русских купцов, предпочитавших торговлю через Нарву, было легко объяснимо. Все склады с товарами можно было расположить на русской территории в Тихвине или Гдове и не нужно было беспокоиться за сохранность своего имущества. Во всяком случае, оно подвергалось гораздо меньшим рискам, чем в Ревеле или Риге, где случаи отъема товара и ареста русских купцов были не просто нередки, а скорее в порядке вещей.

Быстро растущее и очень агрессивное шведское королевство главной целью своей политики на востоке сделало контроль над восточным торговым путем, т. е. повторяло на востоке политику ливонского ордена.

«Великое благодеяние оказал бог Швеции, — говорил шведский король Густав Адольф, — тем, что русские, с которыми мы исстари жили в неопределенном состоянии и в опасном положении, теперь навеки должны покинуть разбойничье гнездо, из которого прежде так часто нас беспокоили. Русские — опасные соседи. Границы земель их простираются до Северного, Черного и Каспийского морей, у них могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города, они могут выставлять в поле большое войско. А теперь этот враг без

нашего позволения не может ни одно судно пустить в Балтийское море. Большие озера, Нарвская область, 30 миль обширных болот и сильные крепости отделяют их от него. У России отнято море. И, даст бог, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек».

После смерти Густава Адольфа все решал канцлер Оксеншерена, а он относился к России еще более недоброжелательно, чем Густав Адольф, и изыскивал всякие способы ослабить Русь, поддерживая, например, самозванца Анкундинова, объявившего себя сыном царя Василия Шуйского. Поэтому отношения ухудшились, а шведские придирки возросли.

Естественно, что и дипломатическую почту, гонцов, посольства царские власти предпочитали везти также через Нарву. Именно отсюда садились на суда люди, едущие по государевым делам. Так что Нарва оставалась для России главным окном в Европу.

Матвей, показав свои документы, в которых было написано, что он торговый человек Матвей Мачехин отпущен по торговым делам в город Кале для разведывания искусных в изготовлении гроздового вина мастеров, с тем, чтобы пригласить их на службу к государю, стоял и ждал разрешения пройти в порт.

Это торговое задание было выбрано неспроста. В деле выращивания винограда шведы препятствий чинить не будут, они тут не соперники и это вполне мирное занятие. Другое дело медеплавильное производство, которое являлось основой производства вооружений. Документы внимательно были прочитаны шведскими таможенниками и, конечно же, все было помечено и обозначено для того, чтобы сообщить в Стекольную. А сам Матвей был внимательно осмотрен с головы до ног. Одет он был по-простецки, как торговый человек на посылках. При себе имел лишь небольшую котомку, которая и была тщательно осмотрена. Увидев складень, таможенники было заголосили, что нужно платить пошлину, но потом пропустили.

Ртищев предупредил Матвея, чтобы ничем не выдавал он в себе дворянина, образованного человека, чтоб не возникло желание личного досмотра. Ведь на теле в поясе вез Матвей документы, удостоверяющие его право на ведение переговоров, и тайную грамоту королю французскому.

— Нарва — самый удобный наш путь в Европу, но Швеция, а шведы зорко следят за тем, куда и кого мы посылаем, — вспоминал он наставления Ртищева, — у них глаз наметан. Поэтому терпи, смотри долу и с собой никакого оружия. Будь как все торговые люди. На судне у голландского капитана де Фриза, который давно у нас доверенное лицо для всяких государевых дел, выдадут тебе и одежду, и деньги ходячие.

Поэтому Матвей покорно стоял перед шведским таможенником в зипуне, теребя шапку, с отросшей бородой, смотрел исподлобья, недоверчиво, и покорно одновременно. Он был одет просто, очень просто, но опрятно — в рубаху, порты, сапоги и серый грубой выделки кафтан по колено, безо всяких там крупных серебряных пуговиц, как это было в моде у крутых купцов, едущих в своем праве по большим делам. В руках он держал суконную серую шапку с зеленым околышком.

Наконец, швед отдал ему бумагу, Матвей поклонился просительно, спрятал бумагу за пазуху и торопливо зашагал к порту, где должен был разыскать свой корабль под названием «Матильда». Шел он каменной улицей, а сверху нависали каменные серые стены крепости. Каменные дома, построенные впритык друг к другу, с маленькими окнами, забранными железными решетками и дверями, обитыми железными полосами, напоминали маленькие замки. Вверху виднелся замок серого камня, с квадратными башнями. Улица была очень узка и извилиста и круто спускалась вниз. Чем ближе к порту, тем больше чувствовалось запахов хозяйственной деятельности — рыбокоптилен, виднелись мачты и паруса, а потом и сами шхуны у причала. «Дошел!» — Сверкнула радостная мысль.

Это была двухмачтовая шхуна. Она стояла в ряду из нескольких пришвартованных шхун. А большие суда в Нарву и не зашли бы. В этом-то и была слабость нарвского порта. Но это была не рыбацья шхуна, вся пропитанная запахом моря и рыбы. Это судно явно возило более благородный и лучше пахнущий груз. Ее владелец отводил ей более важную роль. Матвей остановился напротив «Матильды».

— Эй, на борту, — закричал он, — принимай пассажира!

Через некоторое время на палубе засверкало что-то рыжее, и показался человек в чем-то синем, похожем на униформу. Он был одет в синий суконный жюстокор до колен с целым рядом медных пуговиц, застегнутых только до талии, в панталоны и чулки в голубую и оранжевую полоску. Рукава жюстокора были с большими обшлагами на таких же медных пуговицах. На фоне синего жюстокора ярко выделялся воротник полосатой рубахи в синюю и оранжевую полоску. На голове его была шапка с высокой тульей и прямыми жесткими полями. В густой окладистой рыжей бороде дымилась трубка. Рыжие волосы выбивались из-под шляпы. Цвета дома Оранских — синий и оранжевый.

Некоторое время капитан, а это был он, с палубы и Матвей с пристани осматривали друг друга. Наконец, капитан дал знак и матросы спустили трап. Матвей поднялся на борт «Матильды».

— Капитан Петер де Фриз, к вашим услугам, — пробасил капитан на плохом, но внятном русском языке, не вынимая изо рта дымящуюся

трубку с коротким мундштуком, которая очень ладно двигалась в такт его губам, как будто приросла к ним.

— Я Матвей Мачехин — по делам виноделия в город Кале, во французанское королевство.

— Хорошее дело и весьма приятное, — пробасил в ответ капитан, — прошу за мной и, повернувшись, пошел по палубе к небольшой будке, у которой оказалась лестница, ведущая внутрь шхуны. Капитан начал спускаться вниз, Матвей за ним.

— А далеко ли плыть нам до Кале? — полюбопытствовал Матвей.

— При хорошей погоде и попутном ветре не менее шести недель.

И, увидев поскучевшее лицо юноши, спросил:

— В море-то бывал?

— Нет. В первый раз, — честно ответил Матвей.

Капитан внимательно взгляделся в лицо Матвея.

— Качку-то выдержишь?

— Не знаю, — протянул Матвей, — должен.

— Ну, там посмотрим.

И капитан толкнул дверь.

— А вот и твоя каюта.

Матвей окинул помещение и почему-то ему показалось, что здесь кто-то еще был.

— Я не один буду? — спросил он.

Капитан опять внимательно посмотрел на юношу. Взгляд его был зорек.

— А как ты догадался? — с каким-то даже любопытством спросил он.

— Почудилось почему-то, — недоуменно ответил Матвей.

— Да, есть еще один пассажир, но он гораздо ближе едет, до Кёнигсберга. Ну, а тебе придется пройти весь великий ганзейский торговый путь от Нарвы до Кале, — и капитан еще раз взгляделся в Матвея, — не всякому такое удается в наше-то время, понимаешь ли это, молодой человек?

Но по лицу Матвея он видел, что тот этого не понимал.

— А где первая остановка? В Ревеле? — спросил Матвей.

— Зачем нам в Ревель? Там слишком много ненужных и внимательных глаз. И здесь-то в Нарве Горн везде поставил соглядатаев, за каждым русским следят в четыре глаза. Что-то, наверное, стряслось. А уж в Ревеле и неизвестно, что шведы учудить могут.

— И как же пойдём?

— Главное — добраться до Пруссии, выйти из шведских владений. А приставать будем в незаметных местах, их здесь довольно. В Гапсале встанем, за Ревелем. Потом в Арнсбурге. Шведы только недавно оттуда датчан выгнали, так что там недовольных много. Ну, а там уже и до Кёнигсберга. А сегодня вечером прошу ко мне отужинать.

И, кивнув, Петер де Фриз вышел из каюты, оставив после себя приятный запах табачного дыма.

Матвей в нерешительности постоял и сел. Все было так необычно! И эта шхуна, и этот капитан, и даже он сам, Матвей Мачехин, в одежде купца.

«Я еду в дальнее плавание. Капитан сказал, что не всем удастся совершить такой путь. Ганза? Это какой-то торговый союз. Что-то такое слышал или читал? Я увижу море. Поплыву через страны». Чувство гордости так и распирало Матвея. Не в силах справиться с охватившим его волнением, он поднялся и вышел на палубу.

Там уже царила суета. Матросы сновали, боцман кричал. Шхуна явно готовилась к отплытию.

И во всей этой суматохе и суете только одна фигура оставалась неподвижной. Незнакомец стоял на корме, глядя в море.

«Это и есть мой попутчик», — сразу подумал Матвей.

Магические тайны белых ночей

Стояли белые балтийские ночи. Море обдувало свежим ветром. Дышалось легко. Воздух сам вливался в легкие. Матвею не хотелось уходить с палубы, — его капитан попросил.

— Спуститесь в каюту и не поднимайтесь, пока не покинем шведские воды и не окажемся в ничейных водах. Лучше поостеречься. Опасенье — половина спасенья, — проворчал капитан.

И Матвей, и незнакомец покорно спустились вниз в свою каюту. Когда дверь за ними закрылась, они посмотрели друг на друга испытующе. И этого взгляда было довольно, чтобы понять, что они соотечественники. Наверное, что-то есть во взгляде соотечественника, его всегда узнаешь безошибочно, если согласишься ему в глаза.

— Матвей, — представился Мачехин.

— Меркул, — сухо проговорил незнакомец.

Возникло молчание. Они были не просто случайными попутчиками. Каждый это понимал. Любопытство было предосудительным, вопросы излишни.

— Повезло с погодой. Ветерок. Шибко пойдем, — проговорил Меркул.

— Ты бывал уже на море? — спросил Матвей.

— А как же! Нам, новгородцам, море знакомо. А сейчас и вообще вся торговля только морем идет. Другого пути-то нет. Не все еще замирилось в Европе.

— Капитан сказал, ты до Пруссии? В Кёнигсберге выйдешь? Был уже?

— Да не впервой, — неопределенно ответил Меркул, — а ты дальше?

— До конца.

— Ну, это плыть и плыть. И при хорошей погоде поболее месяца будет.

Они опять замолчали, стараясь впрямую не глядеть друг на друга и одновременно втихую разглядывая и приглядываясь. Матвей уже определил, что спутник был постарше его и вел себя не в пример свободнее. Но одет был также просто в серый суконный кафтан и только с сумкой через плечо. С собой не вез никаких вещей.

Раздался стук в дверь.

— Эй, господа. Капитан просит к нему в каюту.

Молодые люди поднялись и пошли. Каюты были недалеко, через дверь.

— Заходите, заходите, — произнес капитан, — развеселите старика разговорами. Погода благоприятствует. Плыть — одно удовольствие. Ночи белые. Одно удовольствие, — повторил капитан, пыхтя трубкой.

И он показал на скамью.

— Как говорится, если нет обеда, то нет и беседы, — и де Фриз показал на стол.

Там стоял жбан с пивом и кружками и большое блюдо с разваренным горохом. Наверху лежали свиные шкварки и кусочки мяса. Капитан придвинул к себе кружку.

— Как говорится, где пиво пьют, там и приют, — чувствовалось, что капитан хочет расположить гостей. Так и сыпал прибаутками.

Молодые люди сели.

— Прошу приступать.

Молодые люди отстегнули от пояса свои ложки, придвинули к себе оловянные кружки. Капитан начал разливать пиво. Матвей привычно перекрестился перед тем, как приступил к трапезе, но заметил, что Меркул этого не сделал. Матвей бросил в его сторону недоуменный взгляд, который говорил: «Не православный что ли?» Меркул понял этот взгляд и пояснил.

— Мы уже не в России. Тебе придется привыкнуть, что не везде и не всегда удобно будет молиться и креститься, а иногда это может оказаться и опасно. Придется примериваться к обстоятельствам, — проговорил Меркул, поднимая кружку. — Прозит всем! — и отхлебнул из кружки.

Капитан слушал молча, попыхивая трубкой и отхлебывая пиво. По каюте тянулся приятный запах вишневого листа, также напоминавший о доме. Матвей невольно глубже вдохнул этот приятный дым. Капитан заметил.

— Хочешь попробовать? — не вынимая трубку изо рта, обратился он к Матвею.

— Грех это! Дьявольское зелье, — Матвей опять хотел было привычно перекреститься, но рука застыла в воздухе.

— Я на дьявола похож? — усмехнулся капитан. — Где же мои козлиные ноги? Ха-ха! Копыта и рога? — и капитан для верности потопал ногами.

Матвей смутился, что сказал непригожество, и чтобы как-то выровнять ситуацию, произнес:

— Капитан, трубка у тебя светящаяся и верно, легкая, даже говорить не мешает.

— Хе-хе, — добродушно засопел капитан, — хочешь подержать?

Матвей неуверенно кивнул. Де Фриз вынул трубку изо рта и протянул ему. Матвей взял трубку в руки и сразу ощутил необычайное, почти человеческое мягкое тепло, исходящее от материала. Трубка действительно была как бы невесомой, ощущение это усиливалось тем, что она была полупрозрачной.

— Какое странное дерево или не дерево? — рассматривая, вертел Матвей трубку в руках. — Странный камень? Или не камень? Слишком мягкий для камня и теплый.

— Это бернштайн, — сказал капитан, — морской ладан.

— Ладан? — Удивленно спросил Матвей. — Он же не пахнет? — и для верности даже втянул носом воздух.

— Алатырь, — пояснил Меркул, — у нас это называется алатырь-камень.

— Тот, что лежит на дне моря? Горюч-камень? — с интересом спросил Матвей.

— Да.

Матвей начал уже с нескрываемым интересом рассматривать трубку и вертеть ее в руках, подставляя под свет лампы. Про алатырь на Руси ходило много легенд, считали его волшебным, заговоренным камнем.

— А как же выдолбили отверстие? И так тонко? И не треснул камень?

— Это не камень. Это смола. Она может даже плавиться. Если нагреть, то не трескается, как камень, а плавится, становится текучей.

— Смола?

Матвей еще повертел трубку, подставляя под свет и рассматривая блики.

— Действительно, похоже на смолу, которая стекает по дереву.

— Только смоле этой, ой, как много лет и лежит она на дне моря в янтарном лесу. Море иногда выкидывает на берег куски этого леса. Больше — меньше, — с готовностью рассказывал дальше Меркул.

Капитан же молча пил пиво и одновременно внимательно рассматривал своих пассажиров.

Матвей вернул трубку капитану.

— Наверное, дорого стоит такая трубка. Из большого куска камня, то есть смолы, — поправился он, — сделана.

— Да уж, недешево, — хмыкнул де Фриз, — угодили прусские янтарщики. Они там в Кёнигсберге большие мастера на такие штуки. Ты, Меркул, в Кёнигсберге будешь, так что насмотришься там.

— Ну, я-то не впервой еду, — подхватил разговор Меркул, — хотя действительно привыкнуть к этой красе нельзя. Говорят, в замке магистра целая комната, все стены этим бернштайном отделаны, — он вопросительно взглянул на капитана, как бы приглашая продолжить разговор.

— Ну, рыцари-тевтонцы всегда считали бернштайн мистическим камнем, — поддержал капитан разговор, — а, может, просто хотели полностью владеть торговлей этим редким камнем, а мистику для этого приплели. А уж герцог Альбрехт, который возвеличил Пруссию, превратил ее в герцогство наследственное, не мог не использовать бернштайн для этого. Так что слухи об отделке покоев герцога этим чудодейственным бернштайном ходят повсюду. Ведь бернштайн в избытке водится только в Балтике, а значит — это море чудес и магии. А в Европе все сейчас помешаны на магии. Так что герцог хорошо чувствовал, что нужно делать. Великий был человек, — закончил капитан.

— Говорят, — отхлебнув из кружки, поддержал разговор Меркул, — бернштайн этот имеет лечебные и магические свойства. Сказывали мне в Любеке, халдеи в то веровали. Вавилонские жрецы будто бы специально снаряжали купцов в стародавние времена, чтобы добыть этот камень, когда строили вавилонскую башню. Они считали, что он вбирал в себя астральные лучи и силу солнца. Большие камни ставились на жертвенник и из них вырезали жертвенные чаши. Халдеи считали, что все камни, обладавшие свойством притяжения, больше всего подходили для постижения воли богов.

Капитан взглянул на Меркула с неподдельным интересом.

— А ты хорошо ведаешь любекские тайны, — и он зачерпнул ложкой горох и, со вкусом разжевав его, запил пивом. — Бывал в Любеке? — спросил как бы между прочим.

— Бывал, — коротко бросил Меркул.

Матвей украдкой взглянул и на капитана и на Меркула. Он чувствовал, что все сказки о чудесах — лишь застольная болтовня, а смысл разговора в другом. В чем — он не понимал.

— Я тоже слышал и от купцов, и от капитанов, — вытирая губы ладонью, подтвердил де Фриз, — что везли они на продажу манускрипты

герцогу со всего света. Говорили, будто бы хотел он проникнуть в тайну бернштайна. А в этом ему помогал знаменитый на все немецкие княжества астролог и чернокнижник Пауль Скалих. Первый советник был у герцога по магии и чернокнижию. Он хотел возвыситься среди всех магов Европы при помощи тайны бернштайна. Рассуждал он так. Раз в Италии и других папезских странах чтут египетскую мудрость и ищут тайные иероглифы египетской магии, он будет искать тайный смысл вавилонской, так как она же еще более древняя. Герцог даже университет основал, чтобы манускрипты эти древние изучать. Скалих был для герцога непререкаемым авторитетом. Да, тогда почти все монархи имели при себе мага и советовались с ним. Но Скалих, чтобы больше привязать к себе герцога, стал собирать амулеты и тайные знаки по всей Европе. Герцогу же говорил, что хочет притянуть тайные знания и найти таблицу судеб, чтобы Пруссия управляла миром.

— Таблицу судеб? — удивленно спросил Матвей.

Капитан и Меркул оба уставились на Матвея. За беседой, полной недомолвок и прощупываний, они забыли о нем.

— Что за таблица судеб? — повторил Матвей, который смотря во все глаза и слушающая во все уши, уже осушил свою кружку и почувствовал хмель.

— Таблица судеб хранилась в Вавилоне в святилище халдеев. Туда могли взойти только жрецы. Эти таблицы судеб давали власть над миром. Там все было уже прописано. И если халдеи благоволили государю, они могли помочь ему управлять наверняка, зная, что будет, — нравучительно пояснил Меркул.

Де Фриз опять внимательно посмотрел на него, потом подлил себе пива и продолжил:

— Весь Кёнигсберг и вся Пруссия боялись Скалиха. О его собрании магических знаков уже тогда ходили легенды. И тогда забеспокоились лютеранские пасторы. Они потребовали от Альбрехта удалиться Скалиха и представили герцогу доказательства его связи с дьяволом. Скалих был казнен, а его собрание тайных знаков бесследно исчезло. Говорят, они замурованы где-то в замке герцога.

— Да, много ходит баек, — подтвердил Меркул, — в любом случае герцогу подвезло — и комната из алатыря и амулеты. Так что править его династия должна теперь безошибочно.

— Ну, так это же с помощью бесовских знаний? Это же грех! — удивлению Матвея не было предела.

— О, государи сейчас, чтоб власть удержать, с кем угодно готовы связаться. Вон английский король. В астрологию не верил — его и казнили.

— Да, — подтвердил де Фриз, — шатает власть в Европе. Вот и нашего принца, несмотря на все его заслуги, отстранили от власти.